оказался у славян едва ли не самым популярным автором из всех византийских писателей XIV в. Но любопытно, что в его обширной и разнообразной литературной продукции далеко не все равно привлекало внимание переводчиков. Например, ни одно из его богословских сочинений и житий не было переведено. Ближе и лучше всего знаком южным и восточным славянам этот литератор-патриарх оказался именно литургико-поэтической стороной своего многогранного творческого облика — своими гимнами и молитвами: не менее сорока из них было усвоено на Руси.

2. Гимнография как вид творчества

Первое существенное отличие поэзии Филофея, как и большей части церковной поэзии, от прозы состоит в обращении: разного рода трактаты, гомилии, жития, «слова» и т. п. всегда адресованы к современникам, к людям; а молитвы и гимны обращены преимущественно к богу или к образам «человеко-вечности» — к Иисусу Христу, к богородице, к святым. Можно сказать, что в средневековой пирамиде литературных жанров, увенчанной Священным писанием, гимнография и эвхография образуют непосредственно «подстилающий» Писание слой, покоящийся, в свою очередь, на богословии.

Благодаря столь высокому положению — это уровень «подножия» Библии, на котором сходятся разные виды творчества, — гимнография играет самую узловую, наиболее связующую роль в том ансамбле, который средневековая литература образует в совокупности с другими родами искусств: гимн объединяет текст с музыкой, с некоторыми видами сценического действа и с живописью, т. е. с соответствующего содержания иконой или фреской. Являясь во многих отношениях связующей, гимнография, неизбежно, сама оказывается в сильной зависимости и «сверху» — от текстов Священного писания, и «снизу» — от богословской мысли, а также от каждой из соседних с ней областей творчества, не говоря уж о собственных и всего ансамбля традициях.

«Христианская гимнография, — пишет ее историк, — начинается с возникновения первой христианской общины, а именно — с самого Христа и его учеников».[6] Обычай религиозного стихотворчества и песнопения уходит своими корнями глубоко в ветхозаветные жизнь и храмовую практику и, следовательно, хорошо был знаком первому поколению христиан. В этом отношении перерыва традиции не было. В Новом завете насчитывается 137 цитат из Псалтыри.[7] Кроме того, здесь (в Евангелии от Луки) приведено 4 новых гимна: Елизаветы («Благословенна ты в женах...» — гл. 1, ст. 42), Марии («Величит душа моя господа...» — гл. 1, ст. 46—55), Захарии («Благословен господь бог Израилев...» — гл. 1, ст. 68—79) и Симеона («Ныне отпущаеши раба твоего, владыко...» — гл. 11, ст. 29—32), из которых три первых прозвучали, согласно рассказу, еще до рождества Христова.

Сам Иисус, как озаглавил раздел в своей книге современный исследователь древней поэзии, «был традиционным поэтом» (Jesus was a traditional poet). Выделяя в прямой речи главного героя Евангелий стихотворные периоды, анализируя их форму и сопоставляя их с ветхозаветными стихами и друг с другом, ученый приходит к выводу, что «Иисус был поэтом традиции, идущей от Амоса» и что его «можно рассматри-

---

[6] K. Mitsakis. The Hymnography of the Greek Church in the early Christian Centuries. — Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik, 20. Band. Wien, 1971, S. 31.

[7] T. B. Reeves. The Hymn as Literature. N. Y. and London, 1922, p. 53.